

Ольга Малинова-Тзиафета. *Из города на дачу: Социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914).* СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 336 с.

Ольга Малинова-Тзиафета совершенно справедливо считает, что дача не стоит особняком от города. Не стоит слишком увлекаться восторженными размышлениями художников и литераторов о даче как некоей загородной идиллии. На самом деле, дача — в том понимании слова, которое стало преобладать с начала XIX в. — полностью обусловлена городскими процессами и патологиями. Дача — это важнейший аспект российской разновидности урбанизации.

Книга состоит из четырех объемных глав. В первой главе автор создает необходимую историческую и терминологическую основу для дальнейшего исследования. Она рассказывает, как загородные дачи, изначально предназначавшиеся для вельмож, постепенно стали доступными более широкой публике. Процесс значительно ускорился после «первого дачного бума» 1830-х гг., а вследствие бурного строительства железных дорог в пореформенную эпоху пошел поразительными темпами.

В общих чертах эта история уже известна, но Малинова-Тзиафета вносит интересные нюансы. Так, она описывает, как в XVIII в. в Петербурге слово «дача» вытеснило термин «загородный двор», и фиксирует такие лексические изобретения XIX в., как «дачка» и «даченка». Она также уделяет внимание истокам дачного феномена. По ее убеждению, другие исследователи (в том числе и автор этих строк) слишком большое зна-

Стивен Ловелл (Stephen Lovell)
Кингс Колледж, Лондон,
Великобритания
stephen.lovell@kcl.ac.uk

чение приписывали основанию Санкт-Петербурга и разбивке первых «дачных» участков на Петергофской дороге в 1710-е гг. Автор книги видит значительную преемственность между «подмосковными» второй половины XVII в. и петровскими «дачами»¹. Источники допетровского периода несколько фрагментарны, но можно предполагать, что лучшие «подмосковные» XVII в. выполняли те же эстетические и развлекательные функции, что и придворные дачи XVIII в. и так же позволяли своим хозяевам вести «челночный» образ жизни. Это интересная и перспективная тема для будущих исследователей, особенно для тех, кто занимается культурной историей российской элиты при переходе от московского к петровскому периоду. В любом случае, можно согласиться с утверждением автора, что на протяжении XVIII и XIX вв. загородная жизнь в Петербурге и Москве развивалась параллельно, хоть и далеко не одинаково.

Следующие главы посвящены не столько даче, сколько тем факторам, которые «выталкивали» население «из города на дачу». В первую очередь, городские жители просто опасались за свое здоровье. Жить практически в любой европейской столице середины XIX в. могло быть смертельно опасным. Где-то с последней трети XIX в. Гамбург и Лондон стали лучше справляться с санитарными проблемами, но в Петербурге они оставались острыми. Малинова-Тзиафета уделяет 35 страниц рассказу о том, как Санкт-Петербургская городская дума почти полвека, с учреждения Комиссии по устройству в Санкт-Петербурге мостовых труб для отвода нечистот в 1864 г. до принятия закона об ответственности общественного самоуправления за сооружение канализации в 1911 г., не могла решиться на сооружение адекватной санитарной системы. Причин было много: слабая налоговая база российской столицы, отчужденность думских гласных от экспертных знаний, их же «парализующий перфекционизм» или просто опасение, что предложенные проекты могут оказаться излишне дорогими и при этом неэффективными. Сыграло роль и отсутствие полноценной «обратной связи». Власти не чувствовали такого давления «снизу», которое в Западной Европе уже обеспечивали (хоть и с натяжкой) разные институты общественной жизни. Только после 1905 г. и особенно после очередной эпидемии холеры в 1908 г. был получен необходимый толчок (и даже тогда потребовалось прямое вмешательство правительства в лице Столыпина).

¹ Разумеется, слово «дача» существовало раньше и могло относиться к любому участку земли, не только загородному.

Как бы ни была достойна внимания история санитарного вопроса в Петербурге, в этой главе автор уходит слишком далеко от темы дачи. Но нить повествования теряется не совсем. Ведь Дума могла так медлить с решением вопроса о канализации еще и потому, что городское население собственными силами боролось с нечистотами. Дело главным образом не в том, что горожане использовали фильтры или кипятили воду, а в том, что они элементарно перемещались из города на дачу на самые опасные летние месяцы.

В третьей главе автор указывает на другую сторону «нездоровости» города. С 1890-х гг. холерная паника стала утихать: не потому, что жить в Петербурге стало существенно безопаснее, а потому, что люди немного устали от этой темы. Зато ее место занял другой вид паники — моральный. С середины XIX в. стала распространяться мысль о том, что нынешний век — нервный, морально ущербный, поэтому надо всячески защищаться от «неврастении». Советы врачей во многом следовали давно известным принципам: не переутомляться, меньше пить, больше дышать свежим воздухом. Но с последней трети XIX в. такие рекомендации имели новую медицинскую окраску и, видимо, пользовались значительным спросом среди пореформенной читательской публики. Конечно, они тоже благотворно повлияли на популярность дачного отдыха.

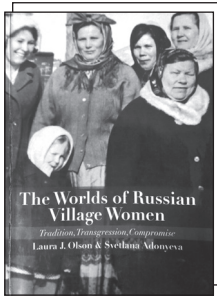
Четвертая глава, пожалуй, самая оригинальная. Тут автор выбирает своей темой не дачные поселки сами по себе, а железнодорожные линии, которые задавали ритм освоению дачниками Санкт-Петербургской губернии. Она приводит интересные примеры того, как дачевладельцы ходатайствовали о получении станции в своей местности. Оказывается, дачники — причем различного социального происхождения — нередко действовали упорно и активно в поисках загородного убежища. Зачастую они добивались своего даже на тех крайне невыгодных условиях, которые им предлагало Министерство путей сообщения.

Другая важная тема главы — борьба железнодорожных пассажиров за удобное расписание, безопасные и комфортабельные условия проезда и уважительное поведение со стороны кондукторов. В России отсутствовали эффективные юридические или административные механизмы для защиты потребительских прав. Но дачники отстаивали эти права с помощью гласности, ведя с 1870-х гг. оживленную полемику с управлением железной дороги на страницах бульварной прессы. В таких источниках просматривается крепнущее сознание гражданского, а не только потребительского достоинства среди широкой дачной публики.

Автор подробно и занятно рассказывает о том, почему горожане покидали город на лето и как они добирались на дачу. Она сравнительно мало пишет о том, как они вели себя в новорожденных дачных поселках, как они строили, снимали или покупали свои загородные дома, как они решали бытовые проблемы, как у них складывались отношения с местным населением и друг с другом. А такие вопросы теснейшим образом связаны с проблематикой урбанизации. Послужила ли дача некоей «школой общественной активности» для социальных групп, которые в большом городе оставались разрозненными и не могли сознавать общности?

Очертания и внутренняя структура «среднего класса», который, по убеждению Малиновой-Тзиафета и других исследователей, во многом совпадал с дачной публикой, остаются несколько туманными. Тем не менее книга, безусловно, предлагает свежий и ценный взгляд на историю урбанизации в Санкт-Петербурге. Кому-то, может быть, выбор тем и расстановка материала покажутся неожиданными. Но это как раз признак творческой исторической работы, которая строит любопытные выводы на таких различных источниках, как проекты канализационных систем и сборники железнодорожных правил.

Стивен Ловелл

Laura J. Olson, Svetlana Adonyeva. *The Worlds of Russian Village Women: Tradition, Transgression, Compromise*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2013. 368 p.

Вышедшая в Мэдисоне книга профессора университета штата Колорадо (г. Боулдер) Л. Олсон и профессора Санкт-Петербургского университета С.Б. Адоньевой посвящена исследованию жизненных миров русских крестьянок XX в. Множественное число слова *мир* оговаривается в самом начале: в работе дается не широкий, энциклопедический обзор жизни древнего или экзотического народа, а частная сфера, в кото-

Андрей Борисович Мороз

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва
abmoroz@yandex.ru